

ность или лабиализованность гласных среднего и верхнесреднего подъема была неразрывно связана с их передним или непередним образованием» (стр. 67); таким образом, имплицитно предполагается наличие фонемы /*ɔ*/, потому что она является единственной фонемой, противопоставленной фонеме /*ɛ*/ по ряду и лабиализованности — нелабиализованности (= оппозиции /*e*/ — /*o*/). На стр. 97 сказано, что мягкость согласных [ц'ж'ш'] «не нуждалась в дополнительном орфографическом обозначении с помощью буквы следующего гласного» (также стр. 115 и др.), как в написаниях типа *люди*, *пять* и др., «поэтому лабиализация [*e*] орфографически отразилась прежде всего в написании буквы *o* после непарных мягких согласных», но выше (стр. 84) сказано, что к описываемому времени *ц*, *ж*, *ш* отвердели, поэтому их твердость уже равна твердости парных по мягкости — твердости согласных, например, [н] в [нос]. Мягкими указанные согласные были в исходной системе, но применительно к XI в. К. В. Горшкова написания типа *жо* вместо *же* как раз не признает фонетическими. Подобные неувязки в изложении иногда затрудняют понимание авторской позиции.

Некоторые интерпретации, предложенные К. В. Горшковой, представляются менее удачными, чем уже известные; ср., например, толкование северо-западного второго полногласия, возводящее это важное диалектное изменение к об-

щерусским процессам и лишаящее его тем самым диалектного своеобразия (стр. 145—147); в объяснениях по поводу сочетаний типа *tʲɛrt* вообще много неясного; непонятно, каким образом сочетание *в'ер'х* могло дать *в'ер'ех* (а не наоборот, см. стр. 166) или почему «этимологична» мягкость /*r'*/ в *тър'гъ* (стр. 61) и т. д.

Сказанным ограничиваются замечания по поводу очень интересной по замыслу и исполнению, хотя и спорной в некоторых частях и далеко не полной по характеру материала книги К. В. Горшковой. Установление ряда диалектных расхождений в фонологических системах северо-западных и северо-восточных средневековых русских говоров — несомненная заслуга автора исследования. В дальнейшем желательно конкретизировать наиболее общие выводы (применительно к частным диалектным системам) и собрать дополнительные исторические доказательства произведенной реконструкции. Книга убедительно показывает, что в настоящее время историческая фонология стоит перед необходимостью фронтального и основательного изучения письменных памятников (прежде всего, северного происхождения). Кроме того, следует продумать возможности преодоления тех методологических и технических затруднений, которые влечет за собой исследование «по синхронным срезам».

В. В. Колесов

Н. J. Aronson. Bulgarian inflectional morphophonology. — The Hague — Paris, Mouton, 1968. 188 стр.

Книга американского слависта Говарда Аронсона «Морфонология болгарского словозменения» — первое после работ Н. С. Трубецкого ¹ монографическое описание морфонологической системы славянского языка. В последние десятилетия вопросы славянской морфонологии разрабатывались главным образом в связи с типологическими задачами. Мы имеем в виду прежде всего работы Э. Станкевича, которые в настоящее время во многом определяют состоя-

ние славянской морфонологии ². Однако отсутствие систематических описаний морфонологических систем славянских языков, выполненных единообразно и в

¹ N. T r u b e t z k o y, Das morphologische System der Russischen Sprache, TCLP, 52, 1934; ег о ж е, Altkirchen-slawische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem, Wien, 1954 (гл. «Morphologie», стр. 97—112); ег о ж е, Polabische Studien, Wien — Leipzig, 1929 (гл. «Das morphologische System der polabischen Sprache», стр. 138—167).

² E d w. S t a n k i e w i c z, Expressive derivation of substantives in contemporary Russian and Polish, «Word», X (1954); ег о ж е, The distribution of morphemic variants in the declension of Polish substantives, «Slavic Words», 11, 1955; ег о ж е, The consonantal alternations in the Slavic declensions, «Word», 16, 2, 1960; ег о ж е, Grammatical neutralization in Slavic expressive forms, «Word», 17, 2, 1961; ег о ж е, The interdependence of paradigmatic and derivational patterns, «Word», 18, 1—2, 1962; ег о ж е, The singular/plural opposition in Slavic languages, «International Journal of Slavic linguistics and poetics», V (1962); ег о ж е, Unity and variety in the morphophonemic patterns of the Slavic declensions, «Ame-

соответствии с некоторой единой концепцией, отрицательно сказывается на самих типологических выводах, которые неизбежно носят пока предварительный характер. Но если типологические наблюдения, содержащиеся в трудах Э. Станкевича, требуют дополнительной проверки и подтверждения материалом славянских языков и в этом смысле они относительны, то теоретические положения его морфонологической концепции имеют, по нашему мнению, безусловную ценность для исследователя морфонологии любого славянского языка. Концепция, развиваемая Э. Станкевичем, отличается большей «грамматичностью» сравнительно с подходом Н. С. Трубецкого, т. е. пренебрежительным вниманием не к формальной, а к функциональной, морфологической стороне звуковых чередований. Исследование Г. Аронсона целиком опирается на теоретические и методические принципы Э. Станкевича и выполнено под его руководством.

Цель рецензируемой работы — первых, дать систематическое описание морфонологических средств словоизменения современного болгарского литературного языка, во-вторых, — сопоставить болгарскую морфонологическую систему с русской. Во введении к книге (гл. I — «Введение») содержится общая характеристика болгарского литературного языка, указываются его хронологические рамки, определяется состояние современной литературной нормы и ее отношение к иноязычным элементам (турецким, церковнославянским, русским), а также к диалектному языку. Здесь же сформулированы основные цели исследования и предложена система транскрипции (фонетической, фонологической и морфонологической) и транслитерации болгарских и русских форм. Во второй главе (гл. II — «Морфонологические чередования») дается краткий очерк истории морфонологии (наибольшее внимание, естественно, уделено трудам Н. С. Трубецкого) и специально — обзор морфонологических наблюдений над болгарским языком, содержащихся главным образом в болгарских грамматиках.

Поскольку морфонология — промежуточная дисциплина между фонологией и морфологией в том смысле, что она оперирует единицами фонологии и категориями морфологии, устанавливая их

функциональную связь, т. е. определяя морфологическое использование фонологических средств, — то автору пришлось ради экономии и строгости собственно морфонологического описания включить в свое исследование краткий очерк фонологии болгарского языка (гл. III — «Фонологическая система современного литературного болгарского языка»), равно как и краткий обзор морфологических категорий и форм словоизменения в системе имени (гл. IV — «Именная система») и в системе глагола (гл. V — «Болгарский глагол»). Это позволило автору весь материал и выводы, относящиеся непосредственно к предмету его исследования, изложить крайне компактно, менее чем на 60 страницах (гл. VI — «Морфонология болгарского словоизменения» и гл. VII — «Выводы»). Сопоставлению болгарской и русской словоизменительной морфонологии посвящено приложение (стр. 162—183), включающее: А. сравнение русской и болгарской фонологических систем; В. обзор морфонологических чередований в русском языке; С. сравнение болгарских и русских морфонологических чередований и Д. выводы. Книга снабжена списком болгарских и русских словарных источников и библиографией работ по общим вопросам морфонологии и специальных исследований по болгарской грамматике и морфонологии (всего 82 названия).

На первый взгляд может показаться, что стремление к экономии, которым определяется структура книги Г. Аронсона (и в конечном счете сам подход к морфонологическому описанию), не оправдывает себя. В самом деле, компактность и лаконизм морфонологической главы, во-первых, достигнуты за счет включения трех самостоятельных глав, каждая из которых посвящена целой особой дисциплине болгаристики — болгарской фонологии, морфологии имени и морфологии глагола; во-вторых, само морфонологическое описание зависимо от предшествующих глав в том смысле, что морфонологические характеристики определяются принятой интерпретацией фонологических и морфологических отношений и при иных интерпретациях должны быть изменены. Кроме того, некоторые разделы фонологического и морфологического описания (в частности, представление болгарского консонантизма на уровне различительных признаков, отдельные факты дистрибуции фонем, некоторые подробности именного и в особенности глагольного словоизменения) к собственно морфонологической части не имеют прямого отношения, что вполне естественно, поскольку чередования — лишь вспомогательное, а иногда и весьма периферийное средство выражения грамматических значений. С другой стороны, в морфонологической главе автор вынужден во многом повторять те сведения о

rican contributions to the V International Congress of Slavists», The Hague, 1963; его же, Troubetzkoy and Slavic morphophonemics, «Wiener slavistische Jahrbuch», 11 (1964); его же, Slavic morphophonemics in its typological and diachronic aspects, «Current trends in linguistics», III, The Hague, 1966; его же, Declension and gradation of Russian substantives, The Hague, 1968.

морфонологических чередованиях, которые содержатся в морфонологических разделах. И все же нам кажется, что опыт Г. Аронсона следует признать удачным. Морфологический обзор именных и глагольных категорий, хотя автор и стремится к полноте представления, в целом строго подчинен главной задаче — выявлению тех грамматических значений, для выражения которых используются морфонологические средства, и определенно соотношения этих средств с другими, собственно морфологическими показателями. Морфологическое же описание дает обзор чередований и с точки зрения их морфологических функций и грамматической и лексической «мощности».

Мы не будем специально разбирать фонологическую и грамматическую концепцию Г. Аронсона, а сосредоточимся преимущественно на теоретических положениях и выводах, относящихся собственно к морфонологической системе болгарского языка. Отметим только, что в области фонологии автор придерживается дихотомической теории, причем он не ограничивается парадигматическим уровнем (инвентарь фонем и различных признаков, аллофонические отношения), а приводит достаточно подробный перечень правил дистрибуции фонем в последовательности³. В изложении морфологии имени, в целом достаточно традиционном, обращает на себя внимание несколько отличная от традиционной трактовка категории числа, в соответствии с которой в пределах множественного числа существительных выделяются немаркированные и маркированные формы (последние включают экспрессивные, собирательные и счетные формы), причем это противопоставление немаркированного и маркированного множественного, принятое Г. Аронсоном вслед за Э. Станкевичем⁴, существует именно в морфонологическом отношении. В описании болгарского спряжения Г. Аронсон опирается на работу Р. Якобсона, посвященную русскому спряжению. Автор строит экономную систему правил, позволяющих образовать любую форму глагола от так называемой исходной формы.

³ Таблицы двухэлементных консонантных сочетаний, допустимых в начале и на конце слова, приведенные на стр. 37, не полны. В них отсутствует целый ряд начальных и особенно конечных сочетаний, выявляемых на основании того же трехтомного академического словаря болгарского языка, который служил Г. Аронсону главным источником: начальные *žm'* (жма), *rv* (рва се), конечные *nt* (документ), *nk* (танк), *jl* (детайл), *nr* (жанр), *jj* (шлейф) и мн. другие.

⁴ См., в частности: Edw. Stankiewicz, The singular/plural opposition in Slavic languages.

Болгарские грамматики и частные морфонологические исследования дают возможность установить, вероятно, полный перечень используемых в болгарском языке звуковых чередований или их типов. Однако содержащиеся в них сведения совершенно недостаточны по крайней мере в двух существенных отношениях: во-первых, они не дают исчерпывающей характеристики грамматических функций каждого чередования, следовательно, не позволяют установить и взаимных отношений между отдельными видами чередований; а во-вторых, и тем более, они не дают необходимого представления о границах лексического распространения чередований. Для морфонологии, правила которой отличаются несравненно меньшей регулярностью, чем фонологические и грамматические, особенно важен этот аспект, т. е. ее отношение к словарю. По существу морфонологические правила формулируются для классов лексем определенной фонологической структуры (например, основы, оканчивающиеся на заднеязычный согласный) или определенных грамматических категорий: те же основы на заднеязычный имеют различные морфонологические характеристики у глаголов, существительных и прилагательных, у существительных мужского и существительных женского рода, у существительных мужского рода одушевленных и неодушевленных, личных и неличных и т. д. Но есть в области морфонологии и собственно лексические ограничения, не связанные с какими-либо грамматическими категориями, а объясняемые, например, неупотребительностью отдельных грамматических форм для некоторых лексем или специфическими грамматическими показателями. Это значит, что для полного морфонологического описания необходимо учесть весь корпус лексики анализируемого языка. Исследование Г. Аронсона особенно ценно тем, что оно удовлетворяет требованиям систематичности и полноты как грамматических, так и лексических фактов.

Основным источником для Г. Аронсона служил трехтомный академический «Речник на съвременния български книжовен език» (около 64 тысяч слов), дополнительно привлекались многие двуязычные, толковые и орфографические словари. Стремление к точному определению лексической сферы распространения каждого морфонологического явления с учетом всех стилистических и даже некоторых диалектных вариантов потребовало от автора максимального использования всех имеющихся источников, потому что ни один из них не содержит исчерпывающей информации, касающейся словоизменения и реального употребления отдельных словоформ. Везде, где не удавалось сформулировать общих условий

чередования, автор приводил полные списки слов, для которых данное чередование характерно, а также полные списки исключений для каждого типа чередований. В результате лексика в исследовании Г. Аронсона оказывается не иллюстративным материалом, как это обычно бывает в морфонологических описаниях, а действительным объектом изучения, и это позволяет надеяться, что от внимания исследователя не ускользнут ни один факт, существенный для морфонологической характеристики болгарского словоизменения. И все же нельзя не сказать в связи с этим, что в некоторых случаях автор придает чрезмерное значение сугубо периферийным фактам, помещая их в один ряд с регулярными и продуктивными фактами морфонологии. Это относится, например, к большинству форм так называемого собирательного множественного числа (*гърци, граждани, даскали* и под.), употребительность которых в современном болгарском литературном языке крайне ограничена, а иногда даже сомнительна.

Морфонологическая концепция Г. Аронсона включает в качестве основного принципа последовательность (иерархию) языковых уровней и их анализа: парадигматическая фонология — синтагматическая фонология — автоматические чередования — морфонология (морфонологические чередования). Морфонологический анализ и анализ автоматических чередований исходит из понятия основной формы (basic form), которая определяется как форма, реальная или условная, позволяющая в наибольшей степени предсказать все остальные формы («which give us the greatest possible predictability»). Исходная форма записывается в морфофонемической транскрипции, основанной на правилах синтагматической фонологии и включающей, помимо фонемных символов, обозначения морфемных границ и гласных, чередующихся с нулем ($\#$). Автоматические и морфонологические чередования строго разграничиваются, причем к морфонологии относятся только последние. Автоматические чередования определяются как фонологически обусловленные и не имеющие исключений, морфонологические — как фонологические не обусловленные (или морфонологически обусловленные), которые могут и иметь исключения, и не иметь их. Морфонологические чередования, не имеющие исключений, могут расцениваться как автоматические на морфонологическом уровне, т. е. фонологически обусловленные в данной морфонологической подсистеме (например, чередование $\bar{e}, e \sim \#$ в прилагательных или чередование заднеязычных с шипящими перед e в глагольной системе). Нужно сказать, что в подобных случаях не легко обнаружить те факты, которые

могут быть решающими при квалификации чередования как автоматического или морфонологического, однако в большинстве случаев решения, принятые автором, кажутся нам обоснованными и справедливыми.

Трудно согласиться только с трактовкой одного типа чередования, отнесенного Г. Аронсоном к автоматическим. Речь идет о чередовании $\bar{e} \sim \#$ в положении между шумным согласным и завершающим основу r, l, v , или m : *топъ — топла, рекъ — рекла, масло — масъце* и т. д. Здесь неверно определено условие появления $\bar{e}$ между согласными: «конец основы». Ведь в тех формах, где $\bar{e}$ отсутствует, консонантная группа также находится на конце основы (*топла, рекла*). На эту ошибку автору уже указал другой рецензент⁵, однако если принять предлагаемую им поправку (говорить о вставке $\bar{e}$ не «на конце основы», а на конце слова), то можно достичь корректной формулировки, определяющей действительно автоматическое чередование (на конце слова между конечным r, l, v , или m и предшествующим шумным вставляется $\bar{e}$), но нельзя устранить другой трудности, связанной с тем, что $\bar{e}$ в том же окружении и даже в тех же основах появляется не только на конце слова, но и, например, в членных или счетных формах, ср. *вятър — вятърът — вятъра, косъм — косъмът — косъма, мисъл — мисълта*, или в суффиксальных образованиях типа *масъце*⁶. Это значит, что одно и то же чередование ($\bar{e} \sim \#$) в одной и той же основе (например, *вятър — вятърът — вятъра*) должно расцениваться то как автоматическое, то как морфонологическое, точнее в одних формах как автоматическое, в других как морфонологическое. Но даже и по отношению к одним и тем же формам мы обнаруживаем противоречивые утверждения: на стр. 123 говорится о морфонологическом чередовании $\bar{e} \sim \#$ в словах типа *театър*, тогда как по правилу, данному на стр. 44, здесь должно быть представлено автоматическое чередование на конце слова между шумным и сонорным⁷.

⁵ См.: Ъ. С к а т ъ н, Пръв системен труд по морфонология на български език, БЕ, год. XIX, кн. 1, 1969.

⁶ Нельзя принять также формулировку Ю. С. Маслова («Очерк болгарской грамматики», М., 1956, стр. 29), указывающую, что $\bar{e}$ появляется перед тавтосилабическим сонантом и отсутствует перед гетеросилабическим, поскольку ей противоречат примеры типа *вятърът, косъмът* и т. д., где сонант безусловно относится к последующему слогу.

⁷ См. также: H. A r o n s o n, Vowel/zero alternations in the Bulgarian inflec-

Понятие основной, или исходной, формы чрезвычайно важно для строгого определения морфонологических правил и порядка их применения. Единый принцип выбора или конструирования такой формы позволяет избежать произвола при установлении типов чередований и их взаимных отношений. Однако здесь возникает одно сомнение. Ориентация на исходную форму, содержащую максимум информации обо всех остальных формах, должна привести к тому, что реальные основы с одинаковой морфонологической «дериацией», т. е. характеризующиеся одинаковыми типами морфонологических преобразований, будут отождествлены на морфонологическом уровне. Так, например, будут отождествлены все именные основы с символом $\#$ (который на фонологическом уровне превращается либо в нуль, либо в гласный), независимо от того, принадлежит эта основа к классу существительных или к классу прилагательных. Для любой основы такого вида должны быть указаны условия преобразования $\#$ в нуль или в гласный. Вместе с тем, конкретный материал, анализируемый Г. Аронсоном, показывает, что у существительных и прилагательных подобные основы имеют разные условия преобразования $\#$ и что эти различия могли бы быть предусмотрены уже при определении исходной формы таким образом, что в одном случае исходной формой была бы избрана основа с гласным, а в другом — с нулем. Действительно, для существительных мужского рода, о которых идет речь, основа с гласным, выступающая в большинстве словоформ (нечленная форма ед. числа, членная форма ед. числа, счетная форма, в ряде случаев звательная форма), позволяет достаточно просто сформулировать морфонологические условия исчезновения гласного (флексии немаркированного мн. числа и в некоторых случаях окончания вокатива). Наоборот, в прилагательных наибольшее число словоформ характеризуется основой с нулем (женский и средний род. ед. числа, членные формы всех родов, мн. число), которая и могла бы считаться исходной, в то время как основа с гласным — «фонологически обусловленной» в данной морфонологической подсистеме (конец слова). Поскольку в любом случае исходная форма должна содержать какие-то указания на то, что гласный основы в ряде реальных словоформ утрачивается или, наоборот, появляется на месте нуля (это необходимо для отграничения от основ с устойчивым гласным, с одной стороны, и с устойчивым отсутствием гласного — с другой), то с точки зрения экономии, если речь идет об описании основ одного морфонологического класса и одной морфо-

нологической структуры, безразлично, будет ли избран в качестве исходной формы вариант с гласным, снабженный пометой о его возможном исчезновении, или вариант с нулем, снабженный пометой о появлении в данной позиции гласного, или, наконец, вариант с условным символом, означающим, что в одних формах здесь будет представлен гласный, а в других — нуль. Но если речь идет об описании разнородных в морфонологическом отношении основ с разной, несмотря на формальное тождество, морфонологической структурой, то выбор условной основы не обязательно обеспечивает оптимальное решение. С другой стороны, если использование условной основы дает, по мнению автора, какие-то преимущества, то непонятно, почему оно ограничивается основами с «беглыми» гласными — в принципе можно было бы пользоваться условными представлениями и в других случаях; скажем, основы с чередованием типа $K \sim C$ записывать со специальным символом (например, K'), который на фонологическом уровне преобразовывался бы в одних словоформах в K , в других — в C . Это, кстати, было бы удобно для отграничения тех основ на заднеязычный, которые данному чередованию не подвержены. Труднее, правда, было бы оперировать условной записью, объединяющей больше двух вариантов основы, например, в случае существительных мужского рода с основой на заднеязычный, которым присуще чередование $K \sim C \sim \emptyset$.

Морфонологические чередования, наблюдаемые в болгарском словоизменении, Г. Аронсон классифицирует на основе фонологических признаков, присущих альтернантам. Выделяются пять типов: 1) консонантные чередования, 2) вокалические чередования, 3) чередования гласных с нулем, 4) акцентные чередования, 5) метатезы — каждый из которых анализируется особо в именной и глагольной системе. Для индивидуальных видов чередований приводятся указания, относящиеся к их продуктивности и лексической распространенности. Отдельные чередования обозначаются либо фонемными символами (например, $|\text{o}| \sim |\text{e}|$), либо условными, объединяющими целый класс фонем (например, $C \sim C'$, где C обозначает любой твердый согласный, а C' — соответствующий мягкий)⁸.

Как уже отмечалось, описание собственно морфонологических фактов в книге Г. Аронсона выполнено с большой тщательностью. Внимание автора сосре-

⁸ Нельзя не отметить известного неудобства, связанного с тем, что символ C употребляется как для обозначения твердого согласного, так и для обозначения специального дентального результата так называемой второй палатализации

д

точечено главным образом на морфологических функциях и лексических ограничениях каждого типа чередований и в меньшей мере направлено на сопоставление индивидуальных морфонологических типов. Если можно говорить о каких-то общих свойствах морфонологической системы, то исследование Г. Аронсона дает достаточно полное представление о следующих из них: 1) круг морфологических значений, выражаемых с помощью морфонологических чередований или исключительно ими; 2) морфологические и лексические ограничения, различные для разных чередований; 3) продуктивность чередований и 4) основные тенденции развития в области чередований. И все же автор, очевидно, не ставил перед собой задачи охарактеризовать морфонологическую систему болгарского языка в целом и даже только словоизменения. В работе не рассматриваются, в частности, такие важные моменты, как «сочетаемость» чередований друг с другом, т. е. возможность их комбинирования для выражения одной морфологической оппозиции одного слова (например, чередований /e/ ~ $\neq$, $K \sim C$ и факультативно $i \sim \neq$ в оппозиции ед. число — мн. число *заек* — *зайци*), а также возможность их комбинации в пределах парадигмы одного слова (например, усечение основы, чередование типа $C \sim C'$ и акцентное чередование в парадигме *гражданин*—*граждани*—*гражданя*). В последнем случае речь идет по существу о полной морфонологической характеристике каждой основы и установлении в конечном счете инвентаря морфонологических типов основ в зависимости от числа и видов характерных для них чередований. С другой стороны, целесообразно было бы изучить ряды функционально тождественных чредо-

ваний, обслуживающие определенные грамматические оппозиции (со всеми входящими в них основами), например, все виды чередований, связанных с оппозицией ед. число — мн. число в именн или с видовым противопоставлением в глаголе.

Выше уже говорилось о зависимости, которая существует между морфологической и морфонологической интерпретацией. Здесь хотелось бы специально рассмотреть один достаточно показательный пример этой зависимости, свидетельствующий, вероятно, о том, что выбор из двух альтернативных морфологических решений в некоторых случаях может быть облегчен морфонологическими соображениями. Так, если на морфологическом уровне рассматривать формы собирательного множественного как противопоставленные формам ед. числа, то в случае *гражданин*—*гражданя* следует отметить два чередования (не считая акцентного): чередование полной и усеченной основы ($in \sim \neq$)⁹ и непалатального и палатального согласных в исходе усеченной основы ($/n/ \sim /n'/$, тип $C \sim C'$), а в случае *влак* — *влася* — специфическое уникальное чередование $/x/ \sim /s'/$ (именно так оно трактуется у Г. Аронсона, см. стр. 110). Однако если принять другую трактовку, в соответствии с которой формы собирательного множественного признавались бы противопоставленными формам немаркированного множественного: *граждани*—*гражданя*, *власи*—*влася*, то эти две оппозиции ничем не отличались бы от остальных оппозиций такого рода, характеризующихся одним чередованием типа $C \sim C'$ (*кѣща* — *кѣщя*). Следовательно, второе решение давало бы более экономную морфонологическую схему:

I решение

Оппозиция	<i>гражданин</i>	<i>влак</i>	<i>кѣща</i>
sg. — немарк. pl.	$in \sim \neq$	$K \sim C$	—
sg. — coll. pl.	$in \sim \neq, C \sim C'$	$x \sim s'$	$C \sim C'$

II решение

Оппозиция	<i>гражданин</i>	<i>влак</i>	<i>кѣща</i>
sg. — немарк. pl.	$in \sim \neq$	$K \sim C$	—
немарк. pl. — coll. pl.	$C \sim C'$		

(в записи $K \sim C$). Кроме того, вопреки определению (стр. 11), C обозначает не всякий твердый согласный, а парный твердый согласный за вычетом k , g . Точно так же C' есть не только не всякий мягкий согласный (он не может передавать k' , g'), но обозначает всегда палатальный коррелят какого-то определенного непалатального согласного C .

⁹ Это in в группе существительных, обозначающих лиц мужского пола по их национальной или социальной принадлежности, можно считать либо элементом основы, усекаемым в ряде словоформ, либо, что менее удобно, флексией ед. числа, подобно тому как *-ov* в формах типа *градоуе* признается нетерминальным окончанием мн. числа.

В соответствии со вторым решением изменилась бы и морфонологическая характеристика парадигмы *грѣк-гѣрци-гѣрца*: вместо чередований $K \sim C$ и $K \sim C$ были бы установлены чередования $K \sim C$ и $T \sim C$ (подобно *старец-старче*). Однако в данном случае оба решения равноценны.

Здесь невозможно рассмотреть в подробностях все морфонологические правила, составляющие содержание основной, VI главы книги Г. Аронсона. Отметим только еще одну формулировку, которая не кажется удачной. Речь идет о том, как определены условия метатезы $R\tilde{\sim} \tilde{\sim} R$ ($\tilde{\sim} R$ перед гетеросиллабическими согласными, $R\tilde{\sim}$ — перед тавтосиллабическими согласными, стр. 147). Хорошо известно, сколь сложна проблема слогоделения в славянских языках и как много в них примеров, допускающих альтернативные членения на слоги. Если такие примеры, как *вѣрхѣт*, *вѣрхоѣ*, вполне удовлетворяют правилу Г. Аронсона, то примеры типа *вѣрѣта*, *скрѣта*, помимо членения *вѣрѣ-та*, *скрѣ-та*, согласующегося с этим правилом, допускают также членение *вѣрѣ-та*, *скрѣ-та*, противоречащее ему. Сравнительный аспект исследования Г. Аронсона представлен приложением, в котором сопоставляются фонологичес-

кие и морфонологические черты болгарского и русского языков. Материал для морфонологической характеристики русского языка почерпнут в основном из книги Н. С. Трубецкого. Этот раздел представляет интерес как первый опыт систематического сравнения двух славянских языков на морфонологическом уровне. Выводы, содержащиеся в нем, заслуживают внимания с типологической точки зрения, поскольку в отношении фонологических показателей сопоставляемые языки достаточно близки в том, что касается парадигматики, но довольно сильно расходятся по дистрибутивным характеристикам, а в морфологии их отношения определяются уникальностью болгарской именной подсистемы на фоне остальных славянских языков и крайней архаичностью морфологии глагола в болгарском. Тем интереснее, что в области морфонологии имени скорее русский с его традиционной системой противопоставлен другим славянским языкам, чем болгарский с его исключительной для славянского типа морфологией имени. Все эти вопросы, однако, еще ожидают своего изучения.

Остается сказать, что книга Г. Аронсона—серьезный, тщательно исполненный труд, значение которого, несомненно, выходит за рамки болгаристики.

С. М. Толстая